

Третья глава

Эдвард Уолл, выпускник Королевской академии, еще в юности благодаря выдающимся способностям стал секретарем личного министра императора, прослужив на этом посту более тридцати лет.

Вложив последние силы в служение Империи и внося весомый вклад в ее процветание, после выхода на пенсию он был вновь нанят, уже в качестве личного дворецкого императорской семьи. Это было предметом гордости для старика — беты простого происхождения.

Он собственными глазами видел, как нынешний император превращался из статного и холодного юноши в решительного и властного правителя, и сопровождал маленького принца с тех самых пор, когда тот был крошечным золотистым комочком, до того дня, как он стал нынешним полным жизни юношей. Императорская семья Асгарда даровала ему уважение, богатство и положение, о котором большинство могло лишь мечтать, а он отвечал им беззаветной преданностью.

Поэтому, когда этот верный старый дворецкий заметил, что юный принц в последнее время словно погрузился в раздумья — то и дело хмурится, а временами не может сдержать улыбку, — он наблюдал за ним несколько дней. Увидев, что принц не возражает против расспросов, Эдвард деликатно предложил свою помощь:

— Вас что-то беспокоит в последнее время? — спросил он. — Могу ли я чем-то вам помочь, господин?

— А, ну, можно и так сказать. Ты довольно проницателен.

В роскошном обеденном зале слуги тихо и почтительно стояли в отдалении или у дверей. В конце длинного стола, способного вместить два десятка человек, старый Эдвард склонился к юному принцу, прислушиваясь к его рассеянным словам.

— Послушай, Эдвард, — златокудрый юноша-альфа с красными глазами вертел в руках вилку и, прищурившись, спросил: — Если я хочу договориться с одной бетой о сделке за деньги, чтобы получить право потрогать какую-то часть ее тела, как лучше об этом сказать?

Эдвард: «...!»

Что? Неужели господин уже достиг такого возраста!

Старик был в ужасе и невольно поправил сползающий монокль. И не только он — все присутствующие, услышав это, невольно подумали о чем-то непристойном. Однако придворный этикет был строг, и слуги прекрасно знали, как важно контролировать выражение лица, поэтому, за исключением Эдварда, чей вид выражал глубокое замешательство, остальные

лишь еще ниже склонили головы.

— Это... господин, эта бета вам очень нравится?

— Да неплохая, довольно милая.

— Но разве не будет неуместным предлагать денежную сделку так внезапно? — осторожно проанализировал старый Эдвард, опираясь на свой шестидесятилетний опыт холостяцкой жизни. — Если она вам симпатична, думаю, правильнее было бы действовать постепенно, сначала завоевать расположение ее, а уже потом переходить к подобным действиям.

Вопреки мнению многих граждан, несмотря на то, что жизнь высших слоев общества Империи была полна роскоши, разврата и гнили, королевская семья всегда оставалась островком чистоты, веками придерживаясь строгих правил моногамии.

Но сейчас юный принц выглядел как белая ворона среди членов семьи Асгарда. Он на мгновение замер, а затем злорадно рассмеялся:

— Завоевать расположение? Да просто заплатить достаточно денег — и дело с концом.

Эдвард: ...что он только что услышал?

Старый Эдвард не понимал, что принц рассуждает вполне логично. Его глаза расширились от потрясения — ему показалось, что образ маленького принца слился с лицами никчемных, распутных отпрысков из разложившейся аристократии.

— Эх, это я все усложняю, просто в эти дни нет времени с ней встретиться, — подумав об этом, Отто подпер подбородок рукой и вздохнул. — В следующий раз, когда увижу, обязательно пощупаю ее, должно быть, очень приятная на ощупь...

— Десять золотых монет, двадцать? Или, может, взять ее на месяц?

Так, как только он будет приходить, он сможет в любой момент потискать эти пухлые щечки.

Эдвард: ...

Дворецкий, чьи мысли окончательно разошлись с мыслями принца, застыл с каменным лицом.

Как слуга, он не мог влиять на волю хозяина, но, прослужив десятилетия в центре политической жизни, он понимал, какой удар по репутации императорской семьи Асгарда нанесет подобный скандал, связанный с торговлей плотью.

А как человек, фактически воспитавший Отто, он не мог смириться с таким легкомысленным поведением.

Нет, маленький принц ни в коем случае не должен перенимать порочные привычки аристократов!

И вот обеспокоенный старик, не спавший несколько ночей подряд, наконец решился выговориться, когда однажды их посетил почетный гость.

Сайянь Говард был товарищем принца, с которым они росли вместе. Его семья была верным оплотом императорской власти и во всем поддерживала императора.

Поэтому, когда гость покидал поместье, старый Эдвард воспользовался случаем и поделился своими опасениями. Статный, мягкий и красивый старший сын семьи Говард, выслушав его, невольно усмехнулся и, немного подумав, сказал:

— ...Вы, должно быть, неверно поняли. Отто совсем не такой человек.

— Молодой господин Сайянь, вы не знаете, какие пугающие вещи произнес господин, — Эдвард покачал головой и в подробностях рассказал о намерении Отто выкупить право на прикосновения к бете.

Сайянь слегка замер:

— А-а...

— Вы понимаете? Если господин Отто действительно ступит на кривую дорожку и об этом станет известно, это станет сокрушительным ударом для императорской семьи.

Сайянь хотел горько усмехнуться. Он сомневался в описании Эдварда, но, видя состояние старика, который вырастил их обоих, он поспешил смягчить тон и успокоить его:

— Я понял. Пожалуйста, не волнуйтесь.

— Отто вряд ли совершит столь низкий поступок. Если появятся подобные предпосылки, я вовремя его остановлю.

Даже вернувшись домой, Сайянь продолжал думать о словах Эдварда. Он сидел за письменным столом, расправив плечи, с засученными рукавами, держа в руках авторучку. Золотые очки, которые он надевал для учебы, покоились на переносице, разделяя темно-синие пряди волос. Лицо, лишённое улыбки, в свете лампы выглядело холодным.

Неужели такое действительно возможно?

Его мысли на мгновение замерли, и даже уверенный почерк слегка дрогнул.

Никто не знал его товарища по детским играм лучше, чем он. Сайянь мог с уверенностью и совершенно искренне подтвердить, что характер Отто безупречен, но реальность не позволяла ему слепо верить в добродетель человеческой натуры.

Точно так же, как и в случае с его собственным отцом.

Впрочем, если подумать, он ведь тоже достиг того самого возраста. На душе у него было смутное влечение к противоположному полу, какое-то трепетное ожидание чувств, выходящих за рамки родства и дружбы, и робкие фантазии о непристойных актах соития... Но он никак не ожидал, что объектом интереса Отто станет обычная бета.

Кого из бет он мог встретить в последнее время, чтобы это вызвало у Отто такой интерес? Если та особа сумела его заинтересовать, значит, она умеет добиваться своего. Но какова ее цель?

Сайянь Говард очень скоро это узнал.

Ему даже не пришлось задействовать свою разведывательную сеть, чтобы выяснить личность той загадочной беты. На следующий же вечер Отто с воодушевлением пригласил его в таверну на окраине города.

В отличие от Отто, Сайянь за прошедший месяц почти забыл то место, где они пережидали дождь. Однако стоило ему толкнуть дверь таверны и увидеть за стойкой миниатюрную бету с копной пушистых каштановых волос, как память мгновенно ожила.

Это была она.

Та самая девушка, окруженная в ту дождливую ночь ароматом сладких напитков. Она даже не решалась взглянуть ему в глаза, казалась такой застенчивой, а когда получила от Отто золотую монету, замерла, словно белка, которой с неба свалился неожиданный орешек.

В тот раз он не присмотрелся к ней внимательно, а теперь заметил, что даже цвет ее волос и глаз напоминал тот сливочный кофе из той самой ночи.

Видя, как Отто, облокотившись одной рукой на барную стойку, сидит на высоком стуле и с ухмылкой поддразнивает девушку, Сайянь быстро сопоставил факты и осознал, в чем дело. Он с досадой покачал головой и, нацепив на лицо вежливую, мягкую улыбку, направился к ним.

— ...Я же сказал! Позволь мне прикоснуться к тебе, и я дам тебе денег!

— Нет, это же ужасно странно! — Ся Фу, словно напуганный зверек, вцепилась в меню и принялась яростно качать головой. Ее карие глаза наполнились слезами, а в голосе слышалось полное недоумение. — Я не могу позволить тебе трогать меня... То есть, я вообще никогда не слышала, чтобы клиенты просили о подобном!

— Да что тут такого? Сначала непривычно, а потом втянешься. Я же помогаю тебе освоить новые услуги!

— Нет, нет, ни за что! — Ся Фу превратилась в живой маятник, из глаз ее вот-вот готовы были брызнуть слезы. — Ты не можешь так поступать...

— Не стесняйся. Как насчет двадцати золотых?

— Два... двадцать? Ну, я не то чтобы совсем...

— Тридцать, — невозмутимо предложил Отто.

Ся Фу выглядела совершенно сбитой с толку, а ее глаза, казалось, начали вращаться, как спирали гипноза. — ...У-у, а можно я сделаю что-нибудь другое?

— Но я хочу только тебя, — с самым невинным видом заявил Отто, чьи слова звучали пошло, словно из уст престарелого ловеласа. — Если вопрос в деньгах, то стеснительность можно побороть, верно? К тому же, если ты согласишься на месячный абонемент, цена будет еще выше.

— У-у...

Сайянь молча остановился за их спинами, изо всех сил сохраняя на лице вежливую улыбку.

Что здесь, черт возьми, происходит?

Неужели Отто и правда, как говорил Эдвард, встал на путь безответственного распутника?

— А вот и Сайянь!

Услышав шаги, Отто пнул стул, развернулся и с энтузиазмом замахал ему рукой: — Друг, ты как раз вовремя! Присоединишься к нам?

Улыбка Сайяня не дрогнула, хотя уголок глаза начал непроизвольно подергиваться: — М? Присоединюсь к чему?

С тех пор как он вступил в юношеский возраст и обрел способность выстраивать отношения с противоположным полом, он всегда вел себя безупречно и достойно. Хотя из-за слухов, то и дело доносившихся о его отце, и сплетен о порочных нравах в аристократических кругах, он смутно догадывался о безумии подобных непристойных вещей, но его еще никто... не приглашал столь прямолинейно.

— На ощупь она просто великолепна. Я как раз оформил месячную подписку, попробуй и ты, Сяо Фу.

Отто уже узнал имя Ся Фу и, улыбаясь, произнес эти совершенно непотребные слова.

— погоди, я еще не давала согласия! — Ся Фу со слезами на глазах попыталась его остановить.
— К тому же, вдвоем... я не могу.

А, и правда, ведь она выглядит такой маленькой.

Сайянь Говард невозмутимо бросил взгляд на Ся Фу, затем нахмурился, стараясь взять себя в руки, и отвел глаза.

— Отто, умерь свой пыл, — юноша стоял, выпрямившись в полный рост, его брови слегка сошлись у переносицы, а в глазах, обрамленных острыми чертами лица, сквозил холод. — Принуждать девушек — это не в твоем стиле.

Обычно он доставлял неприятности только мужчинам.

— Что за чушь ты несешь? Хочу потискать — буду тискать! — Отто, нимало не заботясь о его советах, поддался озорному порыву. Он ловко протянул руки и ухватил Ся Фу за пухлые, беззащитные щеки, с удовольствием их помяв. — Ты правда не хочешь попробовать? Я ведь за всё заплатил.

Отто развернулся к девушке и принялся обеими руками беспрестанно разминать ее миловидное личико, доводя Ся Фу до слез, при этом не забывая звать Сайяня.

Сайянь молчал. В конце концов, что именно он предлагает делать вдвоем?

Ся Фу лишь жалобно всхлипывала:

— У-у-у...

После случившегося Ся Фу с тоской прижимала к себе пятьдесят золотых монет, тайком вытирая слезы. На душе у нее было одновременно и чувство удовлетворения, и какая-то пустота, будто она потеряла нечто важное. — Ну всё, хватит плакать.

Отто, довольный собой, упёр руки в бока и встал напротив Ся Фу.

— Не бойся, я не собираюсь отказываться от ответственности перед тобой.

— Лучше бы ты вообще больше не приходил, — тихо всхлипывая, пробормотала Ся Фу, прижимая к груди горсть золотых монет.

Она попыталась робко возразить своему покровителю, но в ответ получила лишь сердитый взгляд Отто:

— Что? Пятьдесят золотых монет! Одного раза явно недостаточно, к тому же, разве мы не договаривались, что будет ещё и Сайянь?

Сайянь молчал.

— Нет, мне не очень-то хочется... — наконец выдал он.

Он уже понял, какую нелепую затею придумал его безбашенный друг детства. Отто просто хотелось потискать эту девочку за щёки — и ради такой ерунды он поднял шум и создал столь нелепое недопонимание. Впрочем, это в его духе.

Сайянь потёр виски, стараясь подавить нахлынувшее раздражение. Он собирался было произнести что-то успокаивающее своим обычным ровным голосом, чтобы утешить бедную девушку-бету, чьё лицо так нещадно тискали, но, подняв взгляд, замер. Он утонул в паре влажных карих глаз.

Девушка, которую называли Сяо Фу, смотрела на него со слезами на глазах. Её волосы растрепались, а на пухлых щеках алели следы от пальцев — вид у неё был до жалости несчастный, а во взгляде, как у затравленного щенка, читалась мольба о пощаде.

Слова застряли у Сайяня в горле. Он опустил взгляд, с сомнением глядя на нежную, бархатистую кожу её щёк.

Раз уж деньги уплачены... — подумал он.

Тогда, пожалуй, нет ничего страшного, если и он слегка ущипнёт её за щеку чуть позже?

<http://bllate.org/book/21001/2135272>